

Он родился в Воронеже, в окраинной Ямской слободе, и был старшим сыном в многодетной семье слесаря железнодорожных мастерских Платона Фирсовича Климентова (Платонов — литературная фамилия писателя).

«Паровоз революции» стремительно вошел в юность писателя, увлек его: за несколько лет будущий писатель прожил по силе пережитого целую жизнь. Учитесь в Воронежском политехникуме и в университете. Служит в железнодорожных войсках. Работает электрификатором и губернским мелиоратором, осушает болота, восстанавливает мосты и дороги; по собственному признанию — «построил 800 плотин и 3 электростанции». Он словно бы разрывается меж вздыбленной жизнью и тягой к писательству, меж «созерцательным делом — литературой» и прямым участием в преобразовании мира.

В 1926 году Платонова как деятельного специалиста приглашают в Москву — в Наркомзем. Вскоре направляют в Тамбов возглавить губернское мелиоративное управление. Пробыл он в Тамбове недолго и, возвратясь в Москву, окончательно посвящает себя делу писательства. Уже первые столичные книги «Епифанские шлюзы», «Сокровенный человек», изданные в 1928 году, заставляют говорить о Платонове как о редкостном, самобытнейшем таланте. Однако с начала тридцатых годов — после опубликования рассказа «Усомнившийся Макар» и бедняцкой хроники «Впрок» — на молодого писателя обрушилась массивная хула рапповской критики. Именно на переломе двадцатых-тридцатых годов, на переломе крестьянского мира Платонов создает главные свои произведения «Чевенгур» и «Котлован».

В годы Великой Отечественной войны Платонов — корреспондент «Красной Звезды», выступает с рассказами, очерками о воинской страде солдата-крестьянина, солдата-рабочего; глубоко задушевными, исполненными народного взгляда и философской глубины страницами, в которых он не просто отображал хронику военных действий, но и объяснял, почему мы должны выстоять и «почему мы выстояли в той беспримерной битве».

Он сердцем пережил трагическое испытание, прежде всего, славянского мира. Он понимал, что народу нашему сужден крест — снова «заново отстраивать Россию», снова «выходить Родину и переменить ее судьбу — от смерти к жизни».

И в согласии с русской духовно-нравственной традицией устами крестьянина из рассказа «Среди народа» желал одного: «Пусть все на свете сбудется, что должно быть по правде...».

Андрей Платонов

Последние годы жизни писателя — самые трагические. В 1943 году скончался надломившийся в северных лагерях сын Платон. Простыв во фронтовых командировках, тяжело заболел и писатель. Печатная травля после войны опубликованного рассказа «Семья Иванова» (чаще публикуется под названием «Возвращение») также не могла пройти бесследно. Созданные после войны пьесы, как и довоенные, ни издательства, ни сцены не нашли.

Платонов — современник вечности. И конечно же, наш современник. Он, часто пророчески, отвечает на многие вопросы, которые в неслыханных формах и объемах поставил апокалипсический двадцатый век. Более того, и на сегодняшний день отвечает так, как если бы он среди нас и все видит. Когда затевалась перестройка, и «разные акционерные либералы», «имея научное выражение лиц», обещали народу триумфальный праздник от реформ, как бы следовало многим перечитать Платонова!

В «Чевенгуре» — сцене, происходящей на моей малой родине, в донской слободе Старая Калитва, один неробкого десятка крестьянин вразумляет наезжего интернационального устроителя: «Хлеб для революции! Дурень ты, народ ведь умирает — кому ж твоя революция достанется?» Вещие слова для всех переломных, костоломных революций — февральских, октябрьских или недавних...

Не только мрачные оценки или пророчества находим мы у Платонова. Его сердечное сострадание к людям, ко всему доброму или сиротскому на земле, помогает помудрому видеть мир. Он убежден: «Где сила, там нет свободы, свобода там, где совесть». Он из тех немногих, кто учит нас жить по правде. Правды легкой не бывает.

А сегодня, отмечая 120-летие нашего знаменитого земляка, мы предлагаем читателям познакомиться с поэтическим дарованием Андрея Платонова.

Виктор БУДАКОВ

* * *

М.А. Кашищевой

В моем сердце песня вечная
И вселенная в глазах,
Кровь поет по телу речкою,
Ветер в тихих волосах.

Ночью тайно поцелует
В лоб горячая звезда
И к утру меня полюбит
Без надежды, навсегда.

Голубая песня песней
Ладит с думою моей,

А дорога — неизвестней,
В этом мире — я ничей.

Я родня траве и зверю
И сгорающей звезде,
Твоему дыханью верю
И вечерней высоте.

Я не мудрый, а влюбленный,
Не надеюсь, а молю.
Я теперь за все прощенный,
Я не знаю, а люблю.

<1921>

МАТЬ

Руками теплыми до неба,
До неба тянется земля.
Глядит и дышит в поле верба,
Она звезду с утра ждала.

И звезды капают слезами
На грудь открытую земли
И смотрят тихими глазами,
Куда дороги все ушли.

И снится, думается дума
Дыханью каждому одна.
Леса бормочутся без шума,
Не наглядится тишина.

Земля посматривает, чует,
Бессонная родная мать.
До утра белого не будет
Ребенок грудь ее сосать.

<1920>

* * *

Древний мир, воспетый птицами,
Населенный ветром и водой,
Озаренный теплыми зарницами,
Ты живешь во мне — как край родной.

Горный крик гремел навстречу утру,
И поток подножье мира мыл.
Не было равнины — яростно и круто
Обнажались лица материнских сил.

Помню я, в тоске воспоминанья,
Свежесть влажной девственной земли,

И небес дремучее молчание,
И всю прелесть милую вдали.

Но чем жизнь страстней благоухала,
Чем нежней на свете красота,
Тем жаднее смерть ее искала
И смыкала певшие уста.

<1925–1926>

СТЕПЬ

В слиянии неба с землею
Волнистая синяя цепь.
Мутнеет пред ней пеленою
Покойная ровная степь.

Бесшумные ветры грядую
Волну за волною катят,
Под ними пески чередую
Бегут — и по травам свистят.

Не дрогнет поблеклой листвою
Кустарник у склона холма —
С обдутой вверху чистотою,
Где ночью не держится тьма.

Скрывается с злобой глухою
В колючках шершавый зверок,
Он спинкой поводит сухую
И потом от страха обмок.

Уж вечер... И, будто сохою,
Гремит у телеги мужик...
Восток позадернулся мглою,
А запад — как пламенный крик.

Свежеет. Над тишью степною
В безветрии тлеет звезда,
И светится ею одною
Холодная неба вода.

<1918–1919>

* * *

По деревням колокола
Проплачут об умершем боже.
Когда-то здесь любовь жила
И странник падал на дороге.

О, милый зверь в груди моей
И качка сердца бесконечная,
Трава покинутых полей
И даль родимая за речкою.

Я сердце нежное, влюбленное
Отдал машине и сознанию,
Во мне растут цветы подводные,
И жизнь цветет без всякого названия.

<1921>

ВО СНЕ

Сон ребенка — песнь пророка.
От горящего истока
Все течет, течет до срока,
И волна гремит далеко.

Ты забудешь образ тайный,
Над землею неба нет.
Вспыхнет кроткий и печальный
Ранний, утренний твой свет.

Ты пришел один с дороги,
Замер сердцем и упал,
Путь в пустыне зноя долгий,
Ты, родной мой, тих и мал...

<Вторая половина 1920 г. >